

Время интерактивной литературы

Виктору Ерофеву, автору нашумевшей «Русской красавицы», повергшего в оцепенение публику романа «Страшный суд» и многих других не менее своеобразных произведений, похоже, становится тесно в рамках привычных жанров.

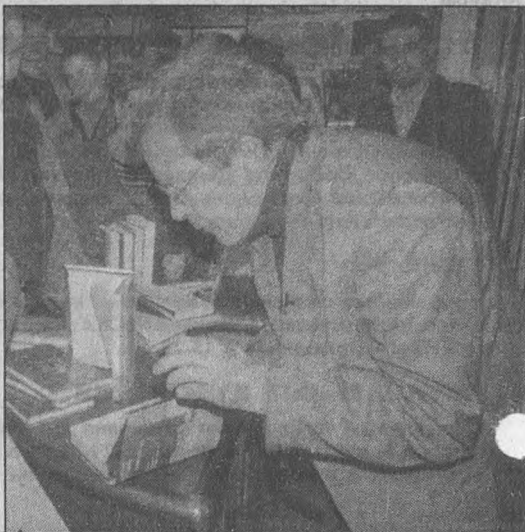
Александр СЛАВУЦКИЙ

В 1997 году свет увидела книга «Мужчины» - настоящее аналитическое исследование, посвященное особенностям мужской психологии и природы. А последняя книга Ерофеева называется «5 рек жизни». Как легко догадаться по названию, она явилась результатом путешествий писателя по великим рекам различных континентов и культур: Волга, Рейн, Миссисипи, Ганг и Нигер. На презентации, проходившей недавно в Торговом доме «Библио-глобус», писатель поделился своими размышлениями с нашим корреспондентом:

- Времена меняются, и хочется понять, что происходит с той культурой, в которой мы живем и создателями которой одновременно являемся. Надо сказать, что постмодернизм благополучно умирает, концептуализм тоже уже отгремел. И сейчас, наверное, возникает новая литература, которая ориентируется на расширение человеческих возможностей. С одной стороны, «5 рек» - это книга сказочных путешествий, потому что я увидел фантастически прекрасные места, а с другой - это путешествия и внутрь себя, потому что каждый раз, когда оглядываешься назад, понимаешь, что там происходило очищение души. Ведь каждая из этих рек сама по себе замечательная метафора жизни и принадлежит к какой-то отдельной исторической эпохе, своей культуре. Кстати, отсюда же и эпиграф - «Бог - един» - я понял, что к концу XX века мы, видимо, подошли к воссоединению различных религий и богов. Возможно, XXI век станет веком огромной метафизической революции.

- Очень многих критиков [чего, впрочем, не скажешь о читателях] ваша литература шокирует, и они ее напрочь не принимают. На ваш взгляд, в чем здесь дело?

- Главное в моем творчестве, думаю, состоит в том, что я попытался найти, а может, даже и нашел такую форму литературы, когда связь с читателем осуществляется на уровне подсознания. Очень многих как раз это и отталкивает. Потому что с сознанием еще можно справиться, а в области подсознания человек абсолютно безоружен, бороться с образами, которые плодятся в этих текстах, - все равно, что воевать со своими снами. Это уже не постмодернизм. Это литература, которую можно было называть еще до того, как родились компьютеры, интерактивной, потому что образы возникают только благо-

МОСК. ПРАВДА. - 1999. - 16 янв. - С.2

даря воображению и фантазии читателя. Ведь героини «Русской красавицы» на самом деле нет. Трезвый, холодный критик читает эту вещь и видит: на этой странице она дура, на другой - умна, вот здесь - шлюха, а здесь - православная. Так женщины существовать не может - это абсолютная фикция. Но система подсознания работает таким образом, что читатель что-то считывает, а что-то забывает. И поэтому тексты завариваются у него в голове, и он сам в конечном итоге их и создает.

- Верите ли вы в мистическую природу слова?

- Слово и музыка, наверное, единственное, что связывает нас с Богом. К слову надо относиться со свободой, которая находится внутри самого слова и дает ему развернуться. Если встать перед ним на колени или, напротив, пытаться давить на него, оно отомстит. Когда пишешь, ощущаешь, что первоначально слово было у Бога. Писательство с этой позиции может быть очень рискованной работой: чувствуешь, что не слово - твой инструмент, а напротив, сам писатель - инструмент, проводник слова. Кто этого не понимает, начинает пользоваться словом как лопатой, подобно позднему Маяковскому, теряет свою энергию и начинает что-то верещать о гибели литературы.

- Кстати, очень много говорят о том, что постмодернизм - знамение конца литературы...

- Ощущение смерти или постепенного угасания литературы возникает оттого, что она сейчас не дает того, что давала человечеству раньше. И виноваты здесь прежде всего именно писатели. Все застопорилось, потому что энергия, которая идет от книги, гораздо сложнее и путаннее энергии музыкальной, видео- и аудиокультур. И литература сейчас просто забита. И если литераторы не встрепенутся, то они окажутся могильщиками той самой литературы, о которой так заботятся.